

Сказка Туве Янссон " Мемуары папы Муми-тролля " Глава четвертая

в которой мое морское путешествие достигает своей кульминации и заканчивается полной неожиданностью

"Морской оркестр" одиноко плыл по морю. Солнечные голубовато-прозрачные дни однообразно следовали один за другим. Скопища морских призраков беспорядочно мелькали перед штевнем нашего судна, а мы сыпали овсянку прямо на хвосты плывущих в кильватере русалок. Порой, когда ночь опускалась над морем, мне нравилось сменять Фредриксона у руля. Озаренная лунным светом палуба, которая то тихо вздымалась, то опускалась, тишина и бегущие волны, тучи и мерцающая линия горизонта – все вместе вызывало в моей душе приятно и волнующее чувство. Я казался себе очень значительным, хоть и очень маленьким (но главным образом, конечно же, значительным).

Иногда я видел, как мерцает в темноте трубка, и на корму, крадучись и шлепая лапами, перебирался и садился рядом со мной Юксаре.

– Правда, чудесно ничего не делать, – сказал он однажды ночью, выбивая трубку о поручни парохода.

– Но мы же делаем! – удивился я. – Я веду пароход, а ты куришь.

– Куда же ты нас приведешь? – съехидничал Юксаре.

– Это – дело другое, – заметил я, потому что уже тогда был склонен к логическому мышлению. – Но ведь мы говорили о том, чтобы делать какие-то вещи, а не о том, что делают вообще. У тебя что – снова Предчувствия?

– Нет, – зевнул Юксаре. – Хупп-хэфф! Мне совершенно все равно, куда мы приплывем. Все края одинаково хороши. Пока, спокойной ночи!

– Привет, привет! – сказал я.

Когда на рассвете Фредриксон сменил меня у руля, я мельком упомянул об удивительном и полном безразличии Юксаре к окружающему.

– Гм! – хмыкнул себе под нос Фредриксон. – А может, наоборот, его интересует все на свете? Спокойно и в меру? Нас всех интересует только одно. Ты хочешь кем-то стать. Я хочу что-то создавать. Мой племянник хочет что-то иметь. Но только Юксаре, пожалуй, живет по-настоящему.

– Подумаешь, жить! Это всякий может, – обиделся я. Фредриксон опять хмыкнул и, как обычно, тут же исчез со своей записной книжкой, в которой чертил конструкции удивительных, похожих на паутину и летучих мышей машин.

А я думал: "На свете есть столько интересного, аж шерсть встает дыбом, когда думаешь об этом..."

Одним словом, в полдень Шнырек предложил послать телеграмму маме маленького Клипдасса.

– У нас нет адреса. Нет и телеграфной конторы, – сказал Фредриксон.

– Ну конечно! – расстроился Шнырек. – Подумать только, какой же я глупый! Извините! – И он снова смущенно залез к себе в банку.

– Что такое телеграфная контора? – высунулся Клипдасс, живший в банке вместе со Шнырьком. – Ее можно съесть?

– Меня не спрашивай! – ответил Шнырек. – Это что-то огромное и непонятное. Посылают на другой конец света маленькие значки... и там они становятся словами!

– Как это посылают? – недоумевал Клипдасс.

– По воздуху... – неопределенно пояснил Шнырек, помахав лапками. – И ни одно слово по дороге не теряется!

– Ого! – удивился Клипдасс. После этого он весь день вертел головой, высматривая телеграфные знаки в воздухе.

Около трех часов Клипдасс увидел большую тучу. Белоснежная, пушистая, она низко-низко плыла над землей, и вид у нее был не совсем обычный.

– Точь-в-точь как в книжках с картинками, – заметил Фредриксон.

– А ты видел книжки с картинками? – удивился я.

– Ясное дело, – ответил он. – Одна называлась "Путешествие по океану".

Проплыв мимо нас с наветренной стороны, туча остановилась, и вдруг произошло нечто совершенно удивительное, чтобы не сказать – ужасное: она повернула назад и начала нас преследовать!

– Извините, а туча не опасна? – забеспокоился Шнырек.

Никто из нас ничего не мог об этом сказать. Туча плыла теперь в нашем кильватере; увеличив скорость, она перевалилась через поручни и мягко плюхнулась на палубу, почти совсем накрыв собой банку Шнырька. Потом она поудобнее устроилась между поручнями, жалась, и клянусь хвостом, эта удивительная туча тут же заснула у нас на глазах!

– Ты видел когда-нибудь нечто подобное? – спросил я у Фредриксона.

– Никогда, – уверенно и очень неодобрительно отозвался он.

Клипдасс, подойдя к туче, лизнул ее и сказал, что на вкус она такая же, как мамина карандашная резинка.

– Зато мягкая, – сказал Юксаре.

Он сделал для себя в туче подходящую ямку и нырнул в нее, и туча тут же накрыла его, словно перина, словно мягкое одеяло из гагачьего пуха. Мы ей явно понравились.

Но это удивительное происшествие значительно усложнило дальнейшее плавание нашего корабля.

В тот же день, как раз перед заходом солнца, небо вдруг странно изменилось. Оно стало желтым, но не приятного нежно-желтого цвета, а грязноватым и прозрачным. Низко повиснув над горизонтом и грозно нахмурив брови, плыли черные тучи.

Теперь мы все сидели под тентом. Шнырек и Клипдасс перекатили свою банку из-под кофе на корму, где ей ничто не угрожало.

Солнце превратилось в тускло светящийся диск, вода почернела и пошла свинцовой рябью, ветер испуганно завыл в штаге. Морские привидения и русалки исчезли, будто их сдуло ветром. На душе у нас было скверно.

– Проверь-ка anerоид, – с тревогой сказал Фредриксон.

Я перелез через тучу и открыл дверь в навигационную каюту. Представьте себе мой ужас, когда я обнаружил, что anerоид показывает 670 – самую низкую цифру, до какой может опуститься стрелка!

Моя мордочка похолодела от страха, я наверняка побледнел, стал белый, как простыня, или, может быть, пепельный. До чего интересно! Вернувшись на корму, я воскликнул:

– Видите, я стал белый, как простыня?!

– По-моему, ты такой, как всегда, – сказал Юксаре. – Что показывает anerоид?

– Шестьсот семьдесят! – ответил я (чуть обиженно, как вы понимаете).

Меня всегда удивляло, что торжественные минуты жизни часто бывают испорчены ничтожными замечаниями, даже если их делают не со зла, а по глупости. Я считаю, что даже из самого ужасного положения надо искать выход. Отчасти имея в виду данную ситуацию, отчасти потому, что настоящий страх как-то уменьшается, если начнешь его преувеличивать. Кроме того, приятно производить на кого-нибудь впечатление. Но такому, как Юксаре, этого не понять. Ведь умственные способности распределяются неравномерно, и не мне судить о том, для чего в жизни нужны такие, как Юксаре.

Между тем Фредриксон, похлопывая ушами, принюхивался к ветру и озабоченно осматривают "Морской оркестр".

– Хорошо построено этот пароход, – сказал он наконец. – Он справится. Пусть Шнырек и Клипдасс заберутся в банку и закроют крышку, потому что сейчас начнется шторм.

– А тебе приходилось раньше попадать в шторм? – осторожно спросят я.

– Ясное дело, приходилось, – отвечал Фредриксон. – В книжке с картинками "Путешествие по океану". Выше, чем там, волн не бывает.

И тут налетел шторм. Он возник внезапно, как все настоящие штормы. В первый момент "Морской оркестр" от неожиданности чуть было не потерял равновесие, но быстро оправился и, тархтя мотором, стал прорываться сквозь бушующую стихию.

Солнечный тент сорвало, и он, будто листок, полетел над морем. (Это был прекрасный, прямо-таки замечательный тент. Надеюсь, тот, кто нашел его, обрадовался.) Банка Шнырька закатилась под перила, и всякий раз, когда "Морской оркестр" взлетал на волну, все ее содержимое – пуговицы, подвязки, консервные ножи, гвозди, бисер – издавало ужасный грохот. Шнырек кричал, что ему худо, но ни один из нас не мог помочь ему. Мы хватались за что попало и, охваченные ужасом, не спускали глаз с потемневшего моря. Солнце исчезло.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Горизонт исчез. Все вокруг было иное – чужое и враждебное! Морская пена летела, обдавая нас шипящими брызгами, а за поручнями парохода властвовал черный хаос. Внезапно с ужасающей ясностью я понял, что ничего не знаю ни о море, ни о кораблях. Я окликнул Фредриксона, но он меня не услышал. Я был совершенно одинок, и некому было мне помочь. Но я не испытывал ни малейшего желания отогнать страх. Напротив, дорогой читатель! Ведь даже из самого ужасного положения надо извлечь что-то хорошее! И, собравшись с духом, я подумал: "Если зажмурюсь, если притворюсь, что меня вообще нет на свете, может, все и обойдется... И вообще это не имеет ко мне ни малейшего отношения! Я случайно влип в эту историю..." Я зажмурился и, словно став сразу еще меньше, снова повторил: "Ничего, ничего! Я совсем маленький, я сижу на качелях в Хемулихином саду и скоро пойду есть овсяную кашу..."

– Послушай! – закричал сквозь бурю Фредриксон. – Они стали меньше!

Я его не понял.

– Меньше! – закричал он. – Волны куда меньше, чем в книжке с картинками.

Но я никогда не видел волн в той книжке с картинками и продолжал жмуриться, мысленно крепко держась за Хемулихины качели. Это помогло. Вскоре я и в самом деле почувствовал, что качели раскачиваются медленнее, а буря все дальше и дальше откатывается от нас и никакой опасности больше нет. Тут я открыл глаза и увидел невероятное: "Морской оркестр", ведомый огромным белым парусом, покачивается высоко в воздухе. А далеко внизу, под нами, все еще бушует шторм, мечутся черные волны. Но теперь шторм казался игрушечным и был совсем не страшен.

– Мы летим! Летим! – кричал Фредриксон.

Он стоял рядом со мной, облокотясь о поручни, и смотрел на большой белый воздушный шар на верхушке паровой оснастки.

– Как тебе удалось запрячь нашу тучу? – спросил я.

– Она сама взлетела, – отвечал он. – Теперь у нас летающий речной пароход! – И Фредриксон погрузился в раздумье.

Ночь медленно светлела. Небо стало серым, было очень свежо. Я уже стал забывать, что пытался спрятаться от шторма в Хемулихином саду. Во мне снова проснулись уверенность, любопытство, и мне захотелось кофе, ведь было ужасно холодно. Я осторожно потряс лапами, проверил, целы ли хвост и уши. Слава богу, они не пострадали.

И Юксаре был здесь. Укрывшись за банкой Шнырька, он пытался раскурить свою трубку.

Но "Морской оркестр" представлял жалкое зрелище. Мачта сломалась, лопастные колеса смыло. Печально колыхались на ветру оторванные штаги, во многих местах продавились поручни. Вся палуба была завалена водорослями, какими-то обломками, ворохами красноватых листьев рдест [Водяное растение с очень длинным стеблем и небольшими овальными или узкими листиками.] и даже упавшими в обморок морскими привидениями. Но хуже всего было то, что с крыши навигационной каюты исчезла позолоченная луковица.

Туча медленно снижалась, и речной пароход вместе с ней опустился. Когда небо на востоке окрасилось багрянцем и нас начала качать мертвая зыбь – отголосок бури, я услышал, как грохочут пуговицы в банке Шнырька. А белая туча из книжки с картинками снова заснула между поручнями.

– Дорогая моя команда! – торжественно произнес Фредриксон. – Мы выдержали бурю. Вытащите моего племянника из банки.

Мы отвинтили крышку, и из банки вылез жалкий, с позеленевшей мордочкой Шнырек.

– Лучшая на свете пуговица, – усталым голосом сказал он. – Что я такого сделал? За что мне такое? О, что за жизнь, что за беды и напасти... Вы только взгляните на мою коллекцию! Ай!

Клипдасс тоже вылез из банки и, приняв хавшись к ветру, фыркнул:

– Я хочу есть!

– Извините! – воскликнул Шнырек. – Я не в силах даже подумать о том, чтобы приготовить еду.

– Успокойся, – сказал я. – Я сварю кофе.

Оказавшись на носу, я бросил смелый взгляд на сломанные поручни, на море и подумал: "Теперь во всяком случае я и о тебе, море, кое-что знаю! И о пароходе тоже! И о тучках! В следующий раз не стану жмуриться и делаться меньше!"

Мы уже пили кофе, когда взошло солнце и озарило весь мир. Ласково и нежно согрело оно мой замерзший живот и подкрепило мужество. Я вспомнил, как солнце всходило в первый день моей свободы после исторического бегства и как оно светило в то утро, когда я строил дом на песке. Я родился в августе под гордым знаком Льва и Солнца, и мне было предназначено следовать дорогой приключений, обозначенной моими путеводными звездами.

"Ах, эти бури! Они нужны, верно, для того, чтобы после них всходило солнце. А навигационную каюту когда-нибудь снова увенчает новая позолоченная луковица", – подумал я, допивая кофе.

Я чувствовал, что обретаю покой.

И вот страница перевернута, я приближаюсь к новой главе своей жизни. Впереди берег – большой одинокий остров посреди моря! Гордый силуэт чужого побережья!

Стоя на голове, я закричал:

– Фредриксон! Сейчас снова что-нибудь случится!

Шнырек тут же воспрянул духом и начал перед высадкой на берег приводить в порядок свою банку. Клипдасс на нервной почве укусил себя за хвост, а Фредриксон заставил меня драить металлические детали, какие только оставались на пароходе. (Юксаре, как всегда, ничего не делал.) Мы плыли прямо к незнакомому берегу. Там, на высоком холме, можно было различить что-то похожее на маяк. Башня медленно покачивалась, как-то странно вытягиваясь то в одну, то в другую сторону. Но у нас было столько дел, что мы решили не обращать на нее внимания.

Когда "Морской оркестр" легко коснулся берега, мы, аккуратно причесанные, с вычищенными зубами и хвостами, собрались у трапа.

И тут вдруг высоко над нашими головами громовой голос произнес страшные слова:

– Будь я моррой, если это не Фредриксон и его подозрительная компания! Наконец-то я вас поймал!

Это был дронт Эдвард. И он был ужасно злой.

– Вот что случилось в дни моей юности! – сказал Муми-папа и закрыл тетрадь.

– Читай дальше! – закричал Снифф. – Что было потом? Дронт Эдвард пытался растоптать вас насмерть?

– В следующий раз, – таинственно пообещал папа. – Ну как, интересно, а? Видишь ли, когда пишешь книгу, самое главное – закончить главу именно тогда, когда всего страшнее.

В этот день Муми-папа расположился на песчаном берегу со своим сыном, Снусмумриком и Сниффом. Когда он читал об ужасной буре, все взгляды были прикованы к морю, которое, как всегда поздним летом, ворчливо выбрасывало на берег волну за волной, и всем слушателям казалось, что они видят "Морской оркестр", этот заколдованный корабль, летящий сквозь бурю, и своих отцов на его борту.

– Как ему, наверно, было худо в кофейной банке, – пробормотал Снифф.

– Становится прохладно, – сказал Муми-папа. – Пройдемся немного?

Они зашагали прямо по водорослям в сторону мыса, и ветер дул им в спину.

– А ты можешь издавать такие звуки, как клипдассы? – спросил Снусмумрик Муми-папу.

Папа попробовал.

– Нет, огорчился он. – Получается плохо. Это должно звучать так, словно трубят в жестяную трубу.

– По-моему, что-то вроде этого получилось, – произнес Муми-тролль. – Папа, а папа? Ты разве потом не сбежал с хатифнаттами?

– Ну да, – смущенно признался папа, – может быть. Но это было гораздо-гораздо позднее. Я думаю, не стоит даже писать об этом.

– По-моему, ты должен это сделать! – воскликнул Снифф. – Ты что, стал потом вести порочный образ жизни?

– Замолчи! – оборвал его Муми-тролль.

– Все-все-все! – примирительно сказал папа. – Лучше посмотрите, там что-то лежит. Наверное, прибило к берегу! – Бегите!

Попробуйте выловить!

Они бросились бежать.

– Что это такое? – спросил Снусмумрик.

Добыча была большая, тяжелая и формой напоминала луковицу. Наверняка она ужасно долго плавала в море, потому что была опутана морской травой и застрявшими в ней ракушками. Кое-где на треснувшем дереве виднелись остатки позолоты.

Муми-папа взял деревянную луковицу и долго разглядывал. Чем дольше он на нее глядел, тем шире раскрывались его глаза, и под конец он, прикрыв их лапой, вздохнул.

– Малыши, – торжественно, чуть дрогнувшим голосом произнес он. – То, что вы видите, – луковица навигационной каюты речного парохода "Морской оркестр"!

– О! – благоговейно произнес Муми-тролль.

– А теперь, – сказал растроганный воспоминаниями папа, – теперь я думаю начать большую новую главу и поразмыслить над этой находкой наедине с самим собой. А вы бегите и поиграйте в пещере!

С этими словами Муми-папа направился дальше, к морскому мысу, держа в одной лапе позолоченный купол, а в другой – мемуары.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– В молодости я был бравый муми-тролль, – сказал он самому себе. – Да и теперь я тоже не так уж плох, – добавил он, весело и тяжело ступая по земле.